

брата во Франции, он постыдно бежал туда. Преемником его был великий муж, памятный и в нашей истории, Стефан Баторий (1576—1586). Но, когда государственные учреждения где-либо носят зародыш разложения, тогда отдельные личности властителей не в состоянии бывают сдерживать этого разложения. Стефан Баторий, бившийся с такой энергией за Лифляндию, в чем он, впрочем, успел на время при своих талантах, видел, однако, своими глазами и не мог не допустить некоторых уступок в значении королевской власти: именно при нем король перестал быть верховным судьей. С другой стороны, определено было, чтобы король назначал двух гетманов — для литовского и польского войска; но в то же время, имея право определять их, король не смел отрешать их; войсковое жалование назначалось также только по определению сейма. Он умер, не успев привести в исполнение своих планов касательно Швеции.

А между тем, вопрос, занимавший тогда Швецию, Россию и Польшу, был чрезвычайно важен. Когда Прусский орден¹ перестал существовать и последний гроссмейстер его сделался наследственным герцогом, орден Ливонских меченосцев остался на Севере один представителем вымиравшего средневекового рыцарства. Он не был в состоянии один бороться с Россией. Уже по примеру прусского гроссмейстера Вальтер фон Плеттенберг² хотел провозгласить себя герцогом, но попытка его не удалась. Между тем соседние державы устремили тотчас внимание свое на этот край, важный по своему положению; орден, отрезанный от Германии, мог теперь сделаться легкой добычей. Страна эта играла теперь для северных государств ту же роль, какую играло некогда Миланское герцогство для западных государств: это было яблоко раздора. Не имея возможности входить в подробности, укажем только на результаты этой борьбы. Польша успела овладеть Ливонией, Курляндия досталась в наследство герцогу Готгарту Кетлеру. Стефан Баторий думал овладеть и Эстляндией, и Курляндией³, но он умер среди приготовлений. Эстляндия осталась за Швецией. Партия, самая могущественная в Польше, возвела на престол сына шведского короля Иоанна Сигизмунда (III, 1587 г.) в той надежде, что теперь войны за шведские области сделаются бесполезными и цель Стефана Батория будет достигнута мирно. Но это были неверные расчеты. Швеция и Польша ревниво смотрели на короля; каждый народ смотрел на страну другого как на придаточную провинцию. С другой стороны, избранный государь был слабый, воспитанный иезуитами. В 1604 г. шведские чины, принудившие Сигизмунда выехать навсегда из Швеции, поставили⁴ на его место брата покойного короля Иоанна Карла Зюдерманландского (IX). Положено было следующее: отселе королем мог быть только лютеранин, он должен

¹ Далее зачеркнуто: польскими областями.

² Далее зачеркнуто: возведен был.